

В. Е. СТОЯНОВ

НОСИЛОВСКОЕ II ПОСЕЛЕНИЕ (О зауральских памятниках начала железного века)

Результаты многих исследований, проведенных в прошедшем десятилетии УАЭ на зауральских памятниках раннего железного века, публиковались очень скупом¹ — лишь схемы без развернутой аргументации и материалов. Предлагаемая статья — одна из попыток восполнить образовавшийся пробел.

I

Носиловское II поселение находится восточнее г. Шадринска между д. Большая Погорелка и Боровое (Шляпина). Оно расположено на надлуговой террасе левого берега р. Исети, на возвышении пологого мыса, ограниченного на западе и востоке поймой, а на юге — старицей. Во второй половине 50-х годов его обследовал К. В. Сальников, а в начале 60-х — УАЭ.

Поселение состояло из городища и селища, а городище — из двух смежных площадок (II—2 — А, рис.1-1). Площадь южной — около 3,5 тыс. кв. м, она замкнута валом шириной 6—8 м и высотой до 1 м. Вал имеет очертания неправильного овала. На юге у берегового обнажения он разрушен. На северо-западе, севере и востоке с внешней стороны тянется ров шириной 3,5—4 м и глубиной 1—1,25 м. Северо-восточная площадка сейчас не прослеживается. Судя по плану из архива В. Я. Толмачева, она была значительно обширнее (около 11,5 тыс. кв. м), имела овальные очертания и ограничивалась невысоким, разомкнутым в нескольких местах валом. Суммарная площадь поселения примерно 20 тыс. кв. м.

Раскопами (1961 и 1963 гг.) и траншеей (1963 г.) вскрыта западная часть южной площадки, прорезан северо-восточный участок вала и рва; всего раскопано около 488 кв. м (рис. 1-2).

Раскоп. Культурные остатки занимают верхнюю гумусированную часть супесчаных отложений (рис. 2-II—VI), отличающуюся от подстилающих цветом. Их толщина в местах горизонтального залегания составляет в среднем 0,4—0,5 м. Также по цвету они подразделяются на нижнюю темно-серую — слой I и верхнюю черную супесь — слой II. Граница между ними не везде четкая. Но в некоторых местах она как бы подчеркнута прослойками светлого песка: в уч. Е 1963 г. прослойка

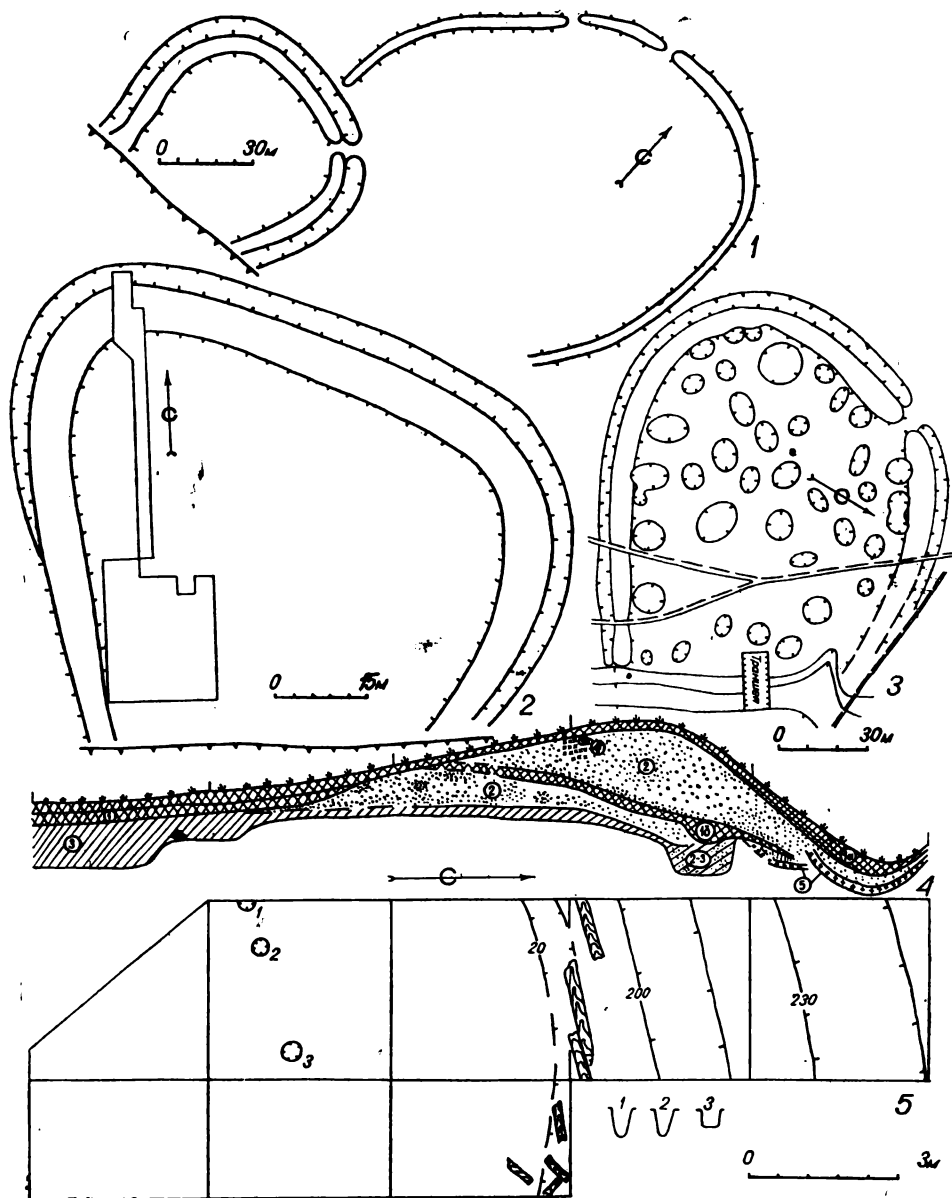

Рис. 1. Планы Носиловского II (1 — по В. Я. Толмачеву, 2 — по материалам УАЭ 1963 г.) и Баитовского (3) поселений; 4 — план; 5 — профиль северных участков траншеи.

1 — черная супесь, 1а — современный дерн, 1б — древний погребенный дерн, 2 — светлая, местами пестроцветная супесь, 3 — темно-серая супесь, 4 — обломки бревен, 5 — уголь.

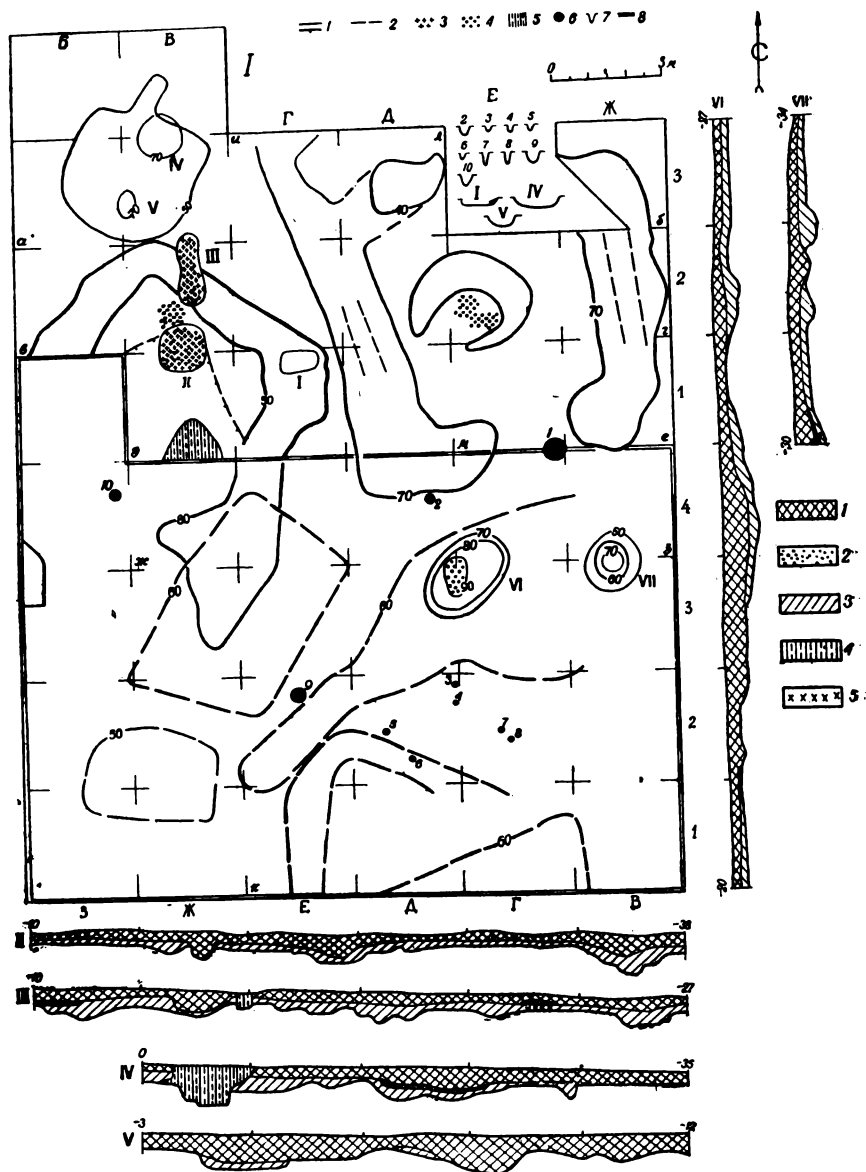

Рис. 2. Остатки сооружений, вскрытых в 1961 и 1963 гг.

I — план раскопов: 1 — очертания остатков, 2 — предполагаемые очертания, 3 — уголь, 4 — прокаленный и спекшийся с золой песок, 5 — заполнение поздней ямы, 6 — ямки от столбов, 7 — профили ямок от столбов, 8 — границы раскопа 1961 г.
 I—VII — профили раскопов: II — по линии *аб*, III — по линии *вг*, IV — по линии *де*, V — по линии *жз*, VI — по линии *ик*, VII — по линии *ам*; 1 — черная супесь, 2 — светлый песок, 3 — темно-серая супесь, 4 — заполнение поздних ям, 5 — уголь.

находилась в нижнем горизонте черной, а в уч. Б и Д, Е 1963 г. — в верхнем горизонте темно-серой супеси. Здесь граница слоев проходила, как правило, между четвертым и пятым горизонтами. Черная супесь в большинстве случаев значительно превосходила темно-серую по толщине, а на некоторых участках занимала всю толщу культурного пласта.

Относящиеся к слою I (или раннему периоду) остатки залежали в основании культурного слоя. Они заполнены темно-серой супесью, а остатки жилищ перекрыты еще прослойками светлого песка.

Первое жилище (уч. Г/2, 3, Д — Ж/1—3 1963 г. и Д, Г/3 1961 г.) — четырехугольная площадка, ограниченная канавкой шириной 1—2 м

Т а б л и ц а 1

Характеристики ямок от столбов

№ п. п.	Участок и год раскопа	Глубина, см	Диаметр, см	Форма сечения
1	Е/1, 1963 }	45	50	треугольная
2	Г/4, 1961 }			
3	Д/4, 1961	25	35	полуовальная
4	Д/2, 1961	15	18	треугольная
5	»	18	18	»
6	»	15	18	»
7	»	15	12	»
8	Г/2, 1961	35	15	»
9	»	30	12	»
10	Е/2, 1961	30	39	полуовальная
	З/4, 1961	30	30	треугольная

и глубиной 0,5—0,8 м. На юге канавка разомкнута, по сторонам лакуны находятся две ямки от столбов (№ 1, 2, табл. 1). В северной стороне канавка замыкалась, вероятно, под уч. Е/3 1963 г., занятым сейчас мощным деревом, нарушившим частично и ее западный выступ. Канавка продолжалась в уч. Г/3 1963 г. и примыкала к северной стенке раскопа. В некоторых местах на дне канавки прослеживались узкие (50—70 см) длинные углубления (20—30 см). Почти в центре площадки находились остатки очага в виде скопления прокаленных и спекшихся с золой комков супеси. Скопление ограничено незамкнутой овальной канавкой, дно которой было покрыто размокшим древесным углем, кусками прокаленной и спекшейся с золой супеси (жилище первой группы I—1 — В — а).

Второе жилище (уч. З/3—5, Ж, Е/3, 4 1961 г. и Б — Г/1, 2 1963 г.) — подчетыреугольная площадка, ограниченная с трех сторон канавкой с выступами у южных концов. На юге канавка разомкнута. Рядом с лакуной находится ямка от столба (№ 10, табл. 1). Дно канавки на большинстве участков плоское. У северного угла площадки — бесформенное скопление прокаленных и спекшихся с золой комков супеси, развал очага (жилище первой группы I—1 — В — а). Остатки жилища нарушены

ямами I, II и III, относящимися к слою II, современной ямой (уч. В/1 1963 г.) и поздней ямой (уч. 3/5 1961 г.), очертания которой не удалось проследить.

Остатки жилища (?) — в виде площадки, ограниченной канавкой (уч. Е — Г/1, 2 1961 г.), северный и восточный отрезки которой соединялись почти под прямым углом в уч. Е/2. Восточная оконечность северного отрезка разрушена углублением слоя II (уч. Д — В/1 1961 г.), южный конец западного примыкает к стенке раскопа. Ширина канавки до 1 м, глубина 0,7 м (от современной поверхности). Еще одна канавка начинается в уч. Е/2 1961 г., проходит по диагонали и, заметно расширяясь, переходит в уч. К — Д/2—4 1961 г. Минимальная ширина 1,1 м, максимальная 5 м, глубина 0,2—0,7 м (от современной поверхности).

Углубление (уч. 3, Ж/1, 2 1961 г.) прямоугольное, со слегка скругленными северной и западной сторонами. Сечение полуовальное. Размеры 3,7×2,5 м, глубина 0,55 м (от современной поверхности).

К слою II (или позднему периоду) относятся три углубления и пять ям. Первое углубление (уч. Б, В/3, 4 1963 г.) подчетыреугольное (3,5×3,65 м), с узким прямоугольным выступом (0,5×1 м) в северной части. Дно плоское. Глубина не более 20—30 см. В северной и южной частях, почти на средней линии углубления находились две ямы. Яма IV — округлая в плане и полуовальная в сечении. Диаметр 1,25 м, глубина 0,3 м. Яма V — овальная в плане и полуовальная в сечении. Размеры 0,75×0,5 м, глубина 0,3 м. Второе углубление (уч. Ж, Е/2—4 1961 г.) — подчетыреугольное (5,5×3,65 м). Стенки наклонные, плоское дно — на глубине 0,7—0,8 м (от современной поверхности). На дне в западной части — слабые следы прокала, остатки кострища (жилище первой группы II—1 — А — б). У третьего углубления (уч. Д — В/1 1961 г.) раскрыт только угол. Глубина 0,9 м (от современной поверхности).

Яма I (уч. Г/1 1963 г.) почти прямоугольная, с наклонными стенками и плоским дном. Размеры 1×0,55 м, глубина 0,15 м. Яма II (уч. В/1, 2 1963 г.) округлая, диаметром 1,3 м. Западная стенка отвесная, восточная наклонная, дно плоское. Глубина 0,5 м. Яма III (уч. В/2, 3 1963 г.) овальная. Длина 2 м, ширина 0,55—0,7 м. Стенки отвесные, дно плоское. Глубина 0,4—0,45 м. Заполнение насыщено размоком древесным углем. Яма VI (уч. Д, Г/3, 4 1961 г.) овальная в плане и полуовальная в сечении. На дне пятно прокаленного песка — след кострища. Размеры 2,7×1,7 м, глубина 0,7 м. Яма VII (уч. В/3, 4 1961 г.) округлая в плане и полуовальная в сечении. Диаметр 1,5 м, глубина 0,45 м.

В разных частях раскопа на границе между культурным и подстилающим слоями зафиксированы ямки от столбов (табл. 1, рис. 2).

Траншея (ширина большей части 2 м и длина 48 м) составляла продолжение линии Г раскопа 1963 г. (рис. 1-2, 4, 5). В ней культурный слой разрушен местами сильнее, чем в раскопе, иногда на всю толщину (уч. Г/6, 7). Однако в большей части удалось установить аналогичную раскопу стратиграфию. Слой I располагался неравномерным пластом и заполнял ряд углублений. В уч. Г/4—6 на расстоянии 4,7 м проходили две параллельные полуовальные в сечении канавки шириной 1,1—1,9 м

и глубиной 0,45—0,9 м. В уч. Г/9—11 также параллельно на расстоянии 4,5 м проходили две канавки шириной 1,4—1,6 м, глубиной 1,15—1,2 м. Между ними находилось углубление (до 0,55 м, ширина около 2,9 м) с наклонными стенками и уступчатым дном. Можно предполагать, что канавки и углубление относятся к остаткам жилищ, подобным открытым в раскопе. На уч. Г/13—15 темно-серая супесь заполняла углубление с уступчатым дном и уходила под вал, там, местами она была разрушена при возведении насыпи и сооружении рва.

Особый интерес представляют остатки оборонительных сооружений, вскрытые на уч. В, Г/15—19. Они относятся к позднему периоду, что доказывается стратиграфией: все слагающее вал находится над слоем I, лежащим непосредственно на подстилающем грунте (рис. 1-4).

Под северной частью насыпи (уч. В, Г/18) проходила неширокая (около 1,2 м) и глубокая (не менее 0,9 м) канава, прорезавшая слой I. Она имела наклонные стенки, плоское дно и была заполнена пестроцветом. Еще севернее (уч. В, Г/19) углистая прослойка выстилала южный склон и плоское дно древнейшего рва, неглубокого (не менее 0,9 м). Выше слоя I, канавы и рва лежит пласт пестроцвета, аналогичный по структуре тому, что заполняет канаву, но более темный. Пестроцвет, канава и часть древнейшего рва перекрыты нетолстой прослойкой погребенного дерна.

Над погребенным дерном находится более мощный пласт пестроцвета, содержащий большое количество углистых остатков. В северной половине уч. В, Г/19 углистая прослойка выстилала полуовальное углубление позднего рва шириной не менее 3 м и глубиной около 1,5 м. Все это перекрыто современным дерном. Под дерном с внутренней стороны вдоль гребня вала лежали массивные обломки обугленных бревен длиной от 0,3 до 1,1 м и диаметром от 10 до 20 см. Под ними тянулась прямоугольная в сечении канава шириной 0,4—0,5 м и глубиной не менее 0,4 м (от современной поверхности), заполненная углистыми остатками. У южной, внутренней кромки насыпи (уч. В/16) находились три ямки от столбов диаметром 30 см и глубиной 40—45 см. Они фиксировались с глубины 100 см (от нулевой отметки) в толще пестроцвета.

Таким образом, характер и расположение остатков свидетельствуют о том, что оборонительная система южной площадки создавалась в два этапа. К первому относятся древнейший ров, канава под валом, нижний пестроцвет и погребенный дерн. Можно так реконструировать это укрепление. В канаву крепилось основание частокола, нижняя часть которого являлась каркасом вала. С внешней стороны параллельно валу тянулся неглубокий ров. Наружный склон вала и продолжающий его склон рва были оснащены деревянной крепью. Ко второму этапу относятся поздний ров, верхний пестроцвет, канава на валу и обломки обугленных бревен над ней и рядом, ямки от столбов под внутренним склоном вала. Позднее укрепление состояло из вала и внешнего рва, но было массивнее и сложнее первого. Ров был почти на 0,5 м глубже, но, вероятно, неширок, насыпь — выше и шире. Деревянная крепь, опиравшаяся на столбы, ограничивала насыпь с внутренней стороны. Ее

внешний склон и продолжающий его склон рва также имели деревянную облицовку. На гребне вала стояла бревенчатая стена.

Описанному распределению остатков по слоям соответствует в значительной мере и керамический материал. В его составе можно выделить пять наборов, из которых первый и второй связаны со слоем I, а третий, четвертый и пятый явно тяготеют к слою II. Это прослеживается на всех участках 1963 г. и достаточно четко на уч. Г/3, Д — Ж/1—3 с ненарушенной стратиграфией (табл. 2). Естественно, керамика первого и второго наборов есть и в черной супеси.

Таблица 2

Распределение керамики по горизонтам раскопа 1963 г. *

Горизонты	Наборы из уч. Г/3, Д—Ж/1—3					Наборы со всего раскопа				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1—2	38	1	—	20	3	65	1	2	54	8
3	36	1	2	38	2	51	2	4	82	4
4	37	2	4	20	2	78	5	8	47	6
5	38	1	—	—	3**	45	3	—	25	1
6	19	2	1	1***	—	32	2	2	32	2
7	26	1	—	—	—	26	1	—	1	2
8	40	1	—	—	—	40	1	—	—	—
9	4	—	—	—	—	4	—	—	—	—

* Учет по обломкам горловин и орнаментированным обломкам. Горизонты по 10 см.

** Обломок горловины и два обломка тулова из черной супеси.

*** Обломок тулова из черной супеси.

В большинстве участков 1961 г., где темно-серая супесь почти или полностью уничтожена, отмеченное распределение находок выглядит так: в нижних горизонтах преобладают обломки сосудов первого набора, а в верхних — четвертого. Необходимо отметить, что в заполнении остатков ранних сооружений (первое и второе жилища, углубление) встречалась только керамика первого и второго, а в заполнении остатков поздних сооружений (все три углубления, ямы VI и VII) находилась преимущественно керамика четвертого набора.

Керамическая посуда формована ленточно-жгутовым налепом. Обжиг всегда костровый, как правило, неравномерный, но черепок почти всегда плотный и прочный. В классификации учтены некоторые технологические признаки, форма сосудов и орнаментация (техника нанесения, место орнамента и его частей, композиция, ее элементы). Сосуды подразделены на две группы: первая — сосуды с шейками, вторая — сосуды без шеек (рис. 3). По профилировке верхних частей обособлены формы, обозначенные римскими цифрами. В первой группе: I — с прямыми вертикальными стенками шеек, II — с прямыми отогнутыми, III — с дугообразными отогнутыми, IV — с вогнутыми стенками шеек, прямыми или слегка дугообразными. Они различаются еще относительной высотой

Группы Формы	В а р и а н т ы				
	1	2	3	4	5
ВТОРАЯ	I				
	II				
	III				
	IV				
	V				
	VI				

Рис. 3. Схема классификации сосудов по форме.

шеек, зависящей от абсолютной высоты, диаметра шеек и высоты сосудов. Отношение высоты шейки к диаметру по венчику служит основанием для выделения разновидностей: А — с высокой шейкой (всегда выше 5 см, а относительная высота более $1/5$); Б — с шейкой средней высоты (более 3 и менее 5 см, относительная высота около $1/6$ или $1/7$); В — с низкой шейкой (всегда ниже 3 см, относительная высота менее $1/8$).

Вторую группу составляют две формы: V — сосуды с прямым вертикальным или отогнутым краем, VI — с вогнутым краем.

По профилировке тулова и днищ обособлены варианты, обозначенные арабскими цифрами: 1 — сосуды почти сферические или сферические, с округлым дном; 2 — почти сферические, сплюснутые снизу, с широким уплощенным дном; 3 — почти сферические, сплюснутые сверху

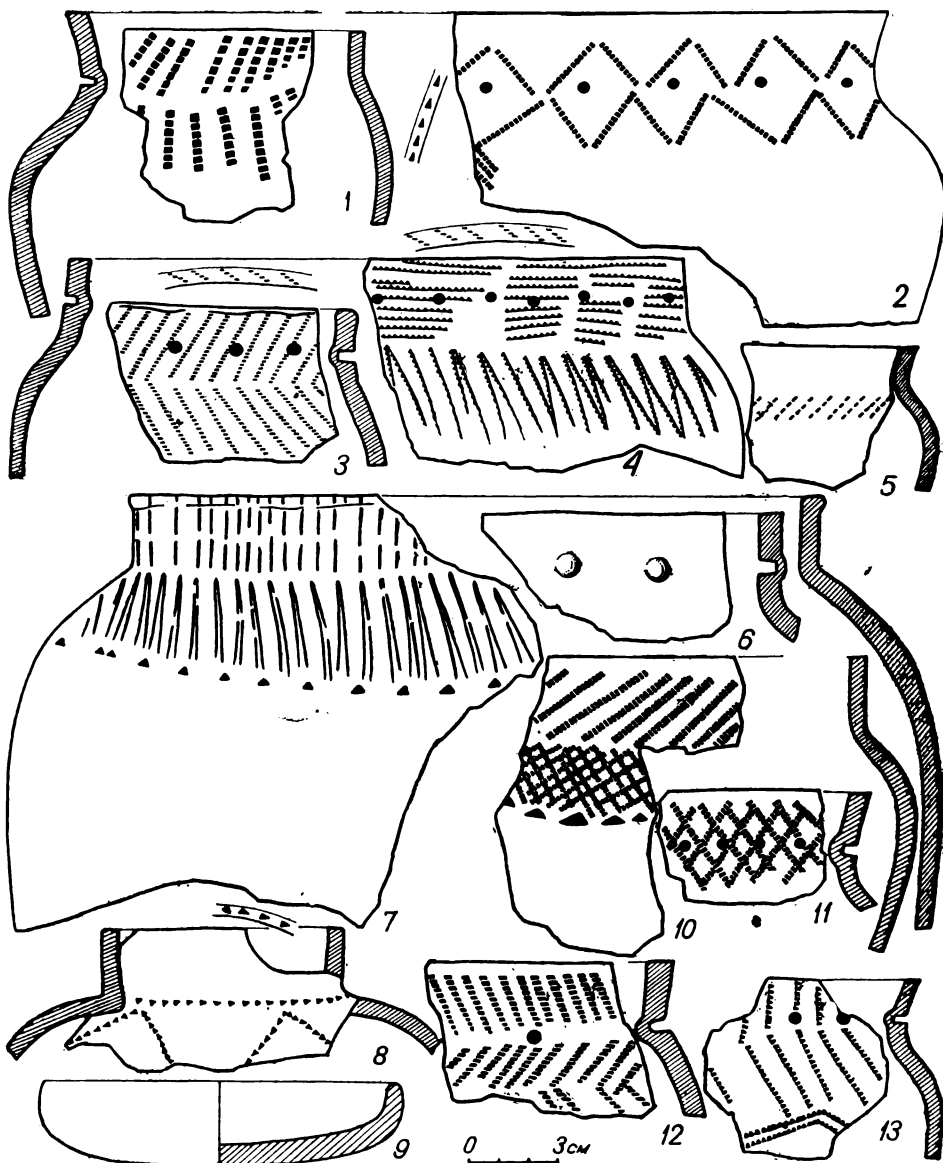

Рис. 4. Керамика первого набора Носиловского II поселения (2—9) и Борового (Шляпина) селища (1, 10—13).

и снизу, с округлым дном; 4 — с яйцевидным туловом и зауженным округлым дном; 5 — с яйцевидным туловом и зауженным уплощенным дном. Описывать поселенческую керамику по форме тулова и днища

трудно. Можно констатировать лишь самые общие различия и преобладание варианта 4.

Сосуды различаются еще профилем венчиков (края горловин); можно выделять плоские, округлые и заостренные.

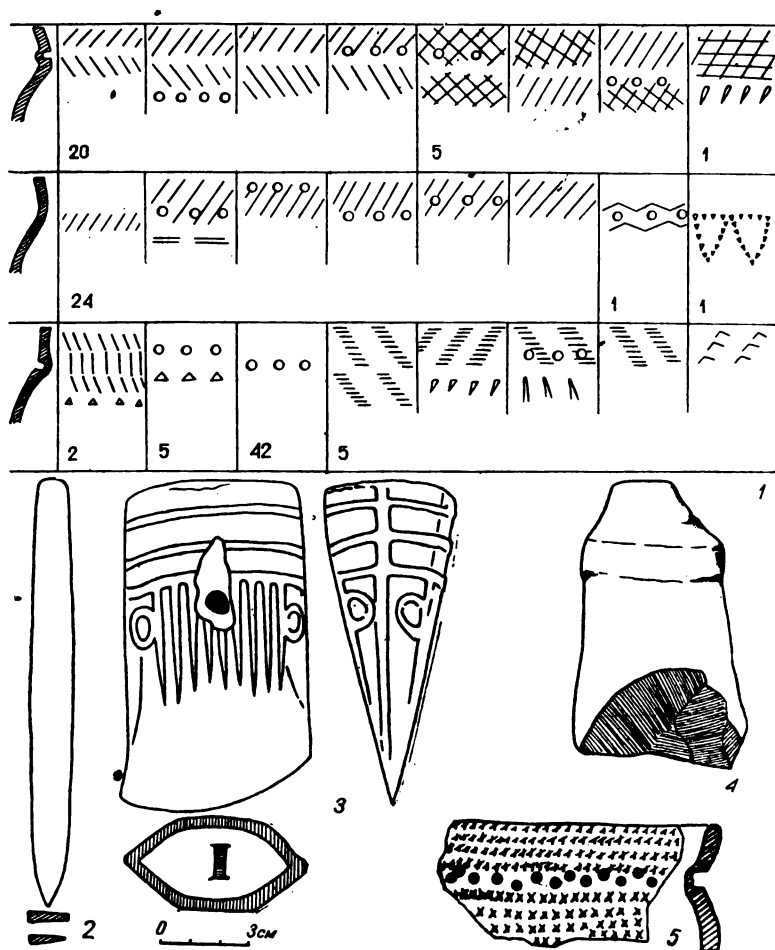

Рис. 5. Схемы орнаментальных композиций носиловской керамики (1), находки на Носиловском II (2, 5) и Воробьевском (3, 4) поселениях.

Первый набор (носиловский, рис. 4; 5-1) — 180 сосудов, изготовленных из хорошо промешанной глины с примесью песка. Поверхности у большинства заглажены щепкой, лишь у немногих наружная небрежно затерта каким-то мягким или гладким предметом. Сосуды в большинстве своем крупные, с диаметром по венчику 23—40 см (почти 62%),

с туловом варианта 4 и относительно широкой горловиной. Толщина стенок тулова и шейки одинакова, днища иногда утолщены. Преобладают сосуды первой группы и чаще всего встречается форма II (более 31%), затем I, III, наконец, IV (соответственно — 22,5, 21,5, 19%). Представлены в большинстве разновидности Б и В (91%). Сосудов второй группы немного — только форма V (почти 4,5%). Венчики обычно плоские, встречаются округлые (19%), заостренные редки (2,5%). Менее четверти из них украшены (почти 22,5%) — и всегда по срезу — отрисками гребенчатого штампа, треугольными или овальными ямками и насечками.

Верхняя часть сосудов в большинстве случаев орнаментирована (143 экз., около 79%). Единая зона орнамента охватывает чаще всего только шейку (62%), вдвое реже — шейку и плечико (35%), очень редко — только перегиб или плечико. Орнаменты ямочные, гребенчатые и резные. Ямки цилиндрические или конические и глубокие, с «жемчужинами» на обороте. Нанесены ямки чаще с внешней и значительно реже — с внутренней стороны. Отриски гребенчатого штампа длинные, с прямоугольными ячейками средней величины. Некоторые отриснуты наклонно поставленным инструментом и состоят из мелких треугольных ячеек. Ямочные (цилиндрические и конические) и «жемчужные» (вместе 31,5%), гребенчатые (21%) элементы в чистом виде, а также в сочетании (почти 21,5%) преобладают в орнаментах (почти 94%). Композиции (рис. 5-1) состоят из горизонтальных поясков наклонных, реже — вертикальных отрезков, «елочек», ямок и «жемчужин»; короткий вертикальный или горизонтальный зигзаг, косоугольная решетка, «шагающая гребенка» («качалка»), наклонные столбики из параллельных отрезков встречаются редко. Композиции выстроены чаще всего в один ряд и лишь изредка дополнены снизу треугольными ямками, горизонтальной линией, зигзагом или «качалкой».

Второй набор — не менее 17 сосудов, но определяются по форме и другим признакам 16. Они формованы из тщательно промешанной глины с примесью песка и иногда с незначительным добавлением слюды и талька. Поверхности старательно заглажены, внешняя обработка в отдельных случаях наминает лощение. Сосуды чаще крупные (диаметр 31—38 см и более, таких 12 экз.) и, вероятнее всего, варианта 4. Стенки тулова чуть тоньше шеек. Представлены сосуды первой группы — формы II (11 экз.), формы I (4 экз.). Один сосуд может быть отнесен к форме III и варианту 3. Все шейки разновидности Б.

Венчики, как правило, заостренные (13 экз.) и редко округлые. Большинство из них орнаментировано одновременно по срезу и внутренней стороне штампованным крестиком (10 экз.), змейкой и отриском веревочки (по 1 экз.). Насечка покрывает только срез (3 экз.).

Поверхность, лежащая под венчиком, орнаментировалась столь же часто (15 экз.). Единая широкая орнаментальная зона охватывает шейку и верхнюю половину тулова. Она состоит из горизонтальных поясков, сдвоенных и строенных цилиндрических или конических ямок, штампованных крестиков и змеек, наколов и отрисков веревочки. Плечико одного сосуда покрыто взаимопроникающими заштрихованными тре-

угольниками из крестиков. Снизу орнаментальная зона подчеркивалась отдельными или строеными треугольными или овальными ямками.

Третий набор — не менее 16 сосудов, но определяемых по форме и другим признакам не более 13. Формованы они из глины с примесью песка и в двух случаях — с незначительным добавлением слюды и талька. Поверхности заглажены довольно тщательно, но грубее, чем на сосудах второго набора. Сосуды крупные, аналогичные по форме тулова сосудам второго набора (вариант 4). Стенки шеек всегда резко утолщены (в сечении широкий сегмент). Представлены только сосуды первой группы — формы I (10 экз.) и формы II (3 экз.). Шейки разновидности Б.

Венчики заостренные (9 экз.) или плоские, орнаментированные по срезу насечками.

Орнаменты чаще ямочные, единично накольчатые и резные. Преобладает узор в виде горизонтального ряда из ямок или насечек. На плечике одного сосуда — треугольные фестоны, выполненные техникой, напоминающей «отступающую палочку» или накол.

Четвертый набор (воробьевский) — не менее 108 сосудов. Сосуды формованы из глины с обильной и грубой примесью талька. Поверхность затерта щепкой или гребенчатым штампом. Сосуды с туловом варианта 4 и относительно широкой горловиной. Стенки шеек почти всегда резко утолщены, большинство из них — разновидности А. Преобладают сосуды первой группы, среди них — формы I (43,5%) и II (44,5%). Формы III и IV редки. Вторая группа представлена двумя экземплярами формы V.

Венчики почти всегда плоские (106 экз., 98%), чаще орнаментированные (58 экз., 54%) и почти всегда оттисками гребенчатого штампа.

Поверхность, лежащая ниже венчика, в большинстве случаев орнаментирована (104 экз., более 96%) и почти всегда оттисками длинных крупнозубых гребенчатых штампов. Широкая сплошная зона орнамента занимает шейку и верхнюю часть тулова. Узоры почти те же, что на сосудах первого набора. Горизонтальные пояски из наклонных линий и «елочки», наклонные столбики из параллельных отрезков и вертикальные зигзаги занимают шейку, под ними по плечу нанесены «шагающая гребенка» («качалка»), горизонтальные пояски из наклонных линий, пояса, прочерченные гребенчатым штампом линии из треугольных ямок. Реже встречаются горизонтальные зигзаги.

Пятый набор (иткульский) — не менее 26 сосудов из глины с обильной примесью талька. Глина промешана неравномерно, черепок не всегда плотный. Поверхность заглажена каким-то мягким или гладким предметом. Можно предполагать, что сосуды вариантов 3 и 4 крупные. Шейки разновидностей Б и В (25 экз.). Стенки шеек и тулова одинаковой толщины. Представлена только первая группа всеми формами — I (9 экз.), II (7 экз.), III (6 экз.) и IV (4 экз.).

Венчики, как правило, плоские (18 экз.) или округлые, в большинстве своем орнаментированные и чаще всего — гребенчатым штампом (16 экз.). Но, в отличие от первого и четвертого наборов, оттиски занимают внешний скос венчика.

Только один сосуд не орнаментирован. Остальные украшены оттисками мелкозубого штампа, чаще длинного, нередко поставленного наклонно, отчего образовались треугольные и косые трапециевидные углубления, напоминающие отпечатки тонкого тугого шнура. Сплошная зона орнамента покрывает шейку и верхнюю часть тулова. Она состоит из наклонных столбиков параллельных отрезков, горизонтальных поясков наклонных линий, горизонтальных «елочек», образующих чаще верх композиции. На плечиках, кроме того, встречаются взаимопроницающие штрихованные треугольники, частая «шагающая гребенка» («качалка»), иногда треугольные ямки.

Соотношение наборов, устанавливаемое по формальным признакам, могло бы выглядеть так. Первый — третий сходны, в основном, примесями, обилием цилиндрических и конических ямок в орнаментах; обособляет их профилировка шеек и венчиков, характер поверхности; гребенчатые, «жемчужные», резные орнаменты — в первом, орнаменты из штампованных крестиков, из змеек — во втором. Четвертый и пятый сходны примесями, профилировкой шеек и венчиков, отсутствием ямочных (цилиндрических и конических) и преобладанием гребенчатых орнаментов, но различаются они количественным соотношением форм, плоских и округлых венчиков, относительной высотой горловины, соотношением стенок горловин и тулова по толщине, характером поверхности, величиной гребенчатых штампов и т. п. Первый с четвертым и пятым сближают профилировка горловин, венчиков, значительное количество гребенчатых орнаментов аналогичных схем, но различают примеси, количественные соотношения форм, венчиков, ямочный (цилиндрический и конический) и «жемчужный» орнаменты и т. п. Таким образом, можно наметить как бы три традиции: одна представлена вторым и третьим наборами, другая — первым, третья — четвертым и пятым. Наиболее существенно различаются первая и третья традиции, между третьей и второй сходства больше.

II

Материалы Носиловского II поселения позволяют коснуться некоторых сторон археологической ситуации начала и первого периода железного века в Зауралье. Она рисуется достаточно сложной. Сейчас здесь можно выделить четыре комплекса культурных явлений.

Один из них представлен остатками раннего периода и прежде всего керамикой первого набора, известной под названием носиловской. Она найдена, кроме того, на Боровом (Шляпина) селище, расположенном, подобно Носиловскому, на дюнообразном всхолмлении следующего мысовидного уступа левобережной надлуговой террасы р. Исети. Мелкие обломки сосудов (рис. 4-1, 10—13) встречались в нижнем горизонте раннего слоя.

На Воробьевском поселении, находящемся тоже на левобережной надлуговой террасе р. Исети, но выше г. Шадринска, небольшое количество носиловской керамики выделяется типологически. Стратиграфических оснований для ее обособления мало. Порядок напластований в раскопе VI (на валу) позволяет предполагать, что первоначальное

поселение было открытым: остатки его культурного слоя уходят под самую раннюю часть вала.

На Прыговском I поселении, занимающем мыс и прилегающий участок левобережной надлуговой террасы р. Исети², чистый слой с носилковой керамикой зафиксирован в 1962 г. В. И. Липским в рекогносцировочной траншее, наложенной на впадину древнего жилища, расположенную примерно в 100 м к северу от городища.

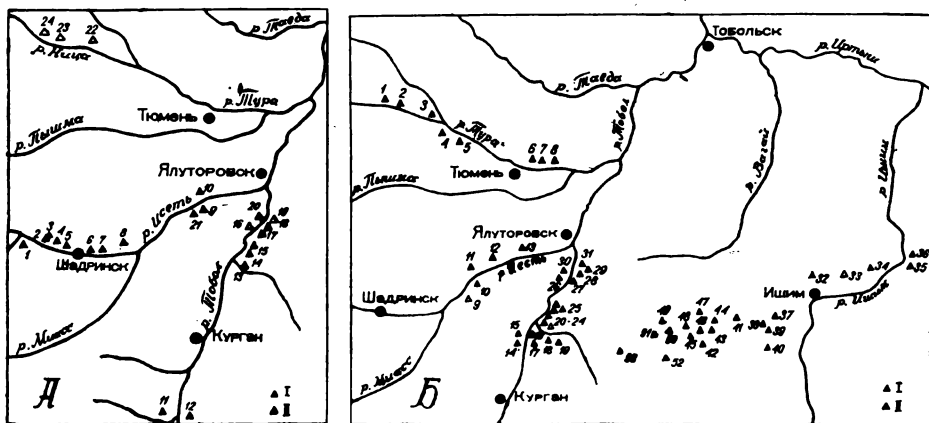

Рис. 6. Карты поселений с носилковой (А) и байтовской (Б) керамикой.

Карта А, I — достоверно носилковая керамика: 1 — Затеченское селище, 2, 3 — Сухринские I и II стоянки, 4 — Воробьевское поселение, 5 — Мыльниковское селище, 6 — Носилковское II поселение, 7 — Боровое (Шляпина) селище, 8 — Прыговское I поселение, 9 — Ботниковское II, 10 — Архангельское, 11 — Закоуловское селища, 12 — Темляковское местонахождение, 13 — предположительно носилковая керамика: 13 — Гладунинское, 14 — Коркинское III, 15 — Боровухинское, 16 — Губинское, 17 — Пospelовское II, 18 — Скородумское III, 19 — Скородумское I, 20 — Карагузовское селища, 21 — Красногорское городище, 22 — Татарское, 23 — Березовское, 24 — Юдинское селища. Карта Б, I — достоверно, II — предположительно байтовская керамика: 1 — Кашинское, 2 — Лыжинское I, 3 — Городокское, 4 — Калугинское, 5 — Голышевское, 6 — Верхний Бор II, 7 — Курья селища, 8 — Мысовская II стоянка, 9 — Усть-Терюкское городище, 10 — Бархатовское селище, 11 — Бархатовское, 12 — Слобода Бешкальская, 13 — Старолыбаевское городища, 14, 15 — Речкинские I и II, 16 — Байтовское III, 18 — Калмацкий Бугор, 19 — Гладунинское, 20—22 — Коркинские II—IV, 23 — Старопереладовское, 24 — Губинское, 25 — Новошадринское II, 26 — Суерское I, 27 — Калининское селища, 28 — Скородумское городище, 29 — Скородумское III, 30 — Бызовское, 31 — Черное II, 32 — Стрехнинское I, 33 — Заворохинское II, 34 — Логиновское V селища, 35 — Лихачевское (Ерзовка) городище, 36 — Узловское (Коврижка) поселение, 37 — Локтинское, 38, 39 — Черемуховские I и II, 40 — Карьковское I, 41 — Шабуровское II, 42 — Бельковские I и II, 43 — Фоминцевское, 44 — Полюе I, 45, 46 — Харламовские I и II, 47 — Глубое, 48 — Снегиревское, 49, 50 — Старорямовские I и II, 51 — Проховское, 52 — Сухое, 53 — Семискульское селища.

Однослойным памятником можно считать Ботниковское II поселение, находящееся значительно восточнее г. Шадринска и ниже устья р. Миасс. Оно занимает участок правобережной надлуговой террасы р. Исети. Площадь его около 2 тыс. кв. м. Здесь заметно семь округлых впадин, каждая диаметром около 4—5 м. Культурный слой между впадинами состоит из темно-серой супеси мощностью 30—40 см. В нем найдено более 80 обломков носилковских сосудов.

Достоверно носилковая керамика встречена еще на ряде поселений по Исети, ниже устья р. Течи и Среднего Тобола, близ устья р. Куртамыш. Предположительно носилковой можно считать керамику некото-

рых поселений Среднего Тобола (между устьями р. Суерь и Исети), Нижней Исети и нижнего течения р. Ницы (рис. 6-А). Ни в одном из отмеченных случаев нельзя утверждать, что поселения, где в слое найдена достоверно или предположительно носилковская керамика, были тогда городищами.

Для определения возраста Носилковского II поселения можно использовать бронзовый нож без выделенной рукояти, недлинный и неширокий (рис. 5-2). Он найден в уч. В/2 1961 г. на глубине 50 см (от современной поверхности) и, судя по профилям, близ контакта с подстилающим слоем. Последнее нельзя безоговорочно признать свидетельством его связи с древнейшим культурным горизонтом, так как в указанном участке слой I почти полностью замещен слоем II. Аналогичные ножи из бронзы и железа имеют широкую дату, но в большинстве своем относятся к VII—VI вв. до н. э.³

Вероятная дата слоя I может быть установлена более точно по обломку сосуда второго набора (рис. 5-5), орнаментированного рядком цилиндрических ямок и широкой зоной из штампованных крестиков. Очень похожий сосуд найден в погребении 1 и чуть менее похожий — в погребении 13 Томского могильника на Большом мысу. Оба орнаментированы штампованными крестиками. Погребения датированы VII—VI вв. до н. э.⁴ Посуда, близкая носилковскому сосуду, есть на однослойных Завьяловских 1 и 5 городищах правобережья Верхней Оби. Они датированы VII—VI вв. до н. э.⁵

На Воробьевском поселении в завале жилища на раскопе II был обнаружен бронзовый кельт с перегородкой и валиковым орнаментом (рис. 5-3). Он датируется концом II — первой третью I тыс. до н. э.⁶ А в заплыве жилища на раскопе VII найден обломок каменного песта (рис. 5-4), который может быть датирован последними веками II — первой третью I тыс. до н. э.⁷ Разумеется, сопоставление этих предметов в одном ряду с носилковской керамикой основано на допущении, что на поселении нет керамики более древней, а сравнительно поздний возраст воробьевской доказывается стратиграфией и находками.

Следовательно, VII—VI вв. до н. э. можно принять как поздний вариант даты поселений с носилковской керамикой. Ранний рубеж нельзя очень удревять, так как началом I тыс. до н. э. датируются зауральские памятники, характеризующиеся керамикой с «флажково-жемчужной» орнаментацией⁸.

Таким образом, в начале железного века по Среднему Тоболу, Средней Исети и, может быть, чуть севернее существовали селища, в культурном слое которых сохранились остатки обособленных наземных жилищ четырехугольного, почти квадратного плана, ограниченные по периметру канавками (первая группа I—I—B—a), и носилковская керамика.

Синхронные носилковским зауральские памятники, представляющие другой комплекс культурных явлений, отличаются прежде всего тем, что содержат керамику, орнаментированную штампованным крестом*,

* Сходство этим не ограничивается, оно фиксируется, в частности, распространением аналогичных литых медно-бронзовых предметов.

они распространены на огромной территории: на западе и севере — преимущественно в горно-лесной и лесной зонах*, на востоке и юго-востоке — в лесостепях и лесах до бассейна р. Оби (рис. 7-А). Второй и третий керамические наборы свидетельствуют о взаимодействии его с носиловским.

Бросается в глаза «индифферентность» штампованной крестовой и тому подобной орнаментации: она встречается как в лесной зоне, так и в лесостепи; формы сосудов, технологические характеристики, другие орнаменты, сочетания признаков различаются очень заметно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить комплексы из Зауралья⁹, со Среднего Ишима¹⁰, из Верхнего Приобья¹¹. Различаются и другие черты, характеризующие памятники и их группы: своеобразие зауральских¹² и верхнеобских¹³, изученных полнее других, очевидно.

Носиловские памятники малочисленнее, однороднее и компактнее. Отличаясь резко от упомянутых, они проявляют больше сходства с некоторыми памятниками среднего и нижнего течений р. Туры, Ницы, Пышмы и Исети, Среднего Тобола и Среднего Ишима, Ишим-Тобольского междуречья предшествующего¹⁴ и следующего периодов. Посуда, более другой близкая носиловской, обнаружена при исследовании поселений Борки II и Карлуга I на правом берегу р. Ишим в окрестностях г. Петропавловска. На поселении Карлуга I открыты следы двух сооружений, частично ограниченных канавками. Г. Б. Зданович и С. Ф. Набоков датируют остатки VII—VI вв. до н. э.¹⁵

Близки носиловским памятники с байтовской керамикой¹⁶. Сейчас полнее исследованы ишимские поселения. Особое место среди них принадлежит Лихачевскому (Ерзовка) городищу (II — 1 — А)¹⁷. Оно занимало возвышенную часть останца надлуговой террасы, вытянутого узкой рельефной гривой вдоль правобережной старицы р. Ишим. Оборонительные сооружения напоминают ранние дерево-земляные конструкции Носиловского II и Воробьевского городищ. Следы рва не обнаружены. Укрепленная таким образом площадка имела форму почти правильного круга площадью чуть более 1,5 тыс. кв. м. На востоке и юге были проходы. Южный — простой проем в стене; восточный, как полагает В. Ф. Генинг, был ограничен по сторонам двумя прямоугольными бревенчатыми башнями.

Городище было тесно застроено жилищами, расположенными радиально по кругу. Лишь середина (около 200 кв. м) оставалась свободной. Одновременно функционировало восемь жилищ площадью 50—80 кв. м: шесть обособленных, наземных, однокамерных, четырехугольных, с очагами на полу и канавками по периметру (первой группы I — 1 — В — а); одно обособленное, наземное, однокамерное, вероятно, прямоугольное, с очагами на полу (первой группы I — 1 — А); последнее обособленное, полуземляночное, однокамерное, очевидно, прямоугольное, с очагом на специальном возвышении (первой группы II — 1 — А).

* Автор не касается территорий, лежащих западнее и северо-западнее Урала, хотя такая керамика — частая находка в верховьях р. Вычегды, Печоры и встречена на р. Ветлуге.

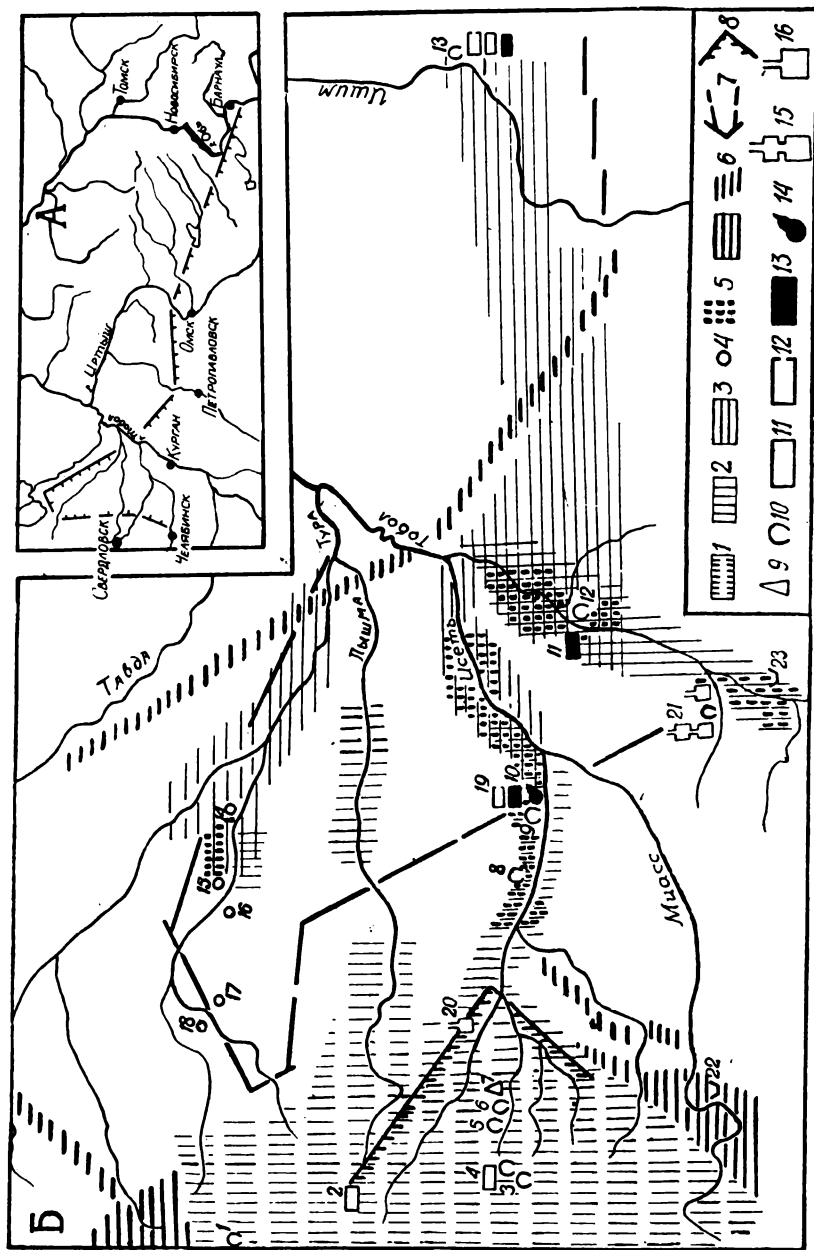

Рис. 7. Карты зауральских памятников конца бронзового — начала железного века.

Карта А — южная граница памятников с керамикой, орнаментированной штампованным крестом и т. п. Карта Б — локализация памятников — конца бронзового — начала железного века: 1 — территория поселений с иткульской керамикой; 2 — территория поселений с воробьевской керамикой; 3 — территория поселений с зеленомысской керамикой (по В. Д. Викторовой); 4 — территория поселений с зеленомысской керамикой; 5 — территория поселений с зеленомысской керамикой; 6 — вероятная территория памятников с керамикой, орнаментированной штампованным крестом и т. п.; 7 — западная территория памятников с керамикой, орнаментированной штампованным крестом и т. п.; 8 — вероятная территория памятников с керамикой, орнаментированной штампованным крестом и т. п.; 9 — вероятная территория памятников с керамикой, орнаментированной штампованным крестом и т. п.; 10 — жилища первой группы I — 1 — Б; 11 — жилища первой группы I — 1 — Б; 12 — жилища первой группы I — 1 — Б; 13 — жилища первой группы I — 1 — Б; 14 — жилища первой группы I — 1 — Б; 15 — жилища первой группы I — 1 — Б; 16 — жилища первой группы I — 1 — Б; 17 — жилища первой группы I — 1 — Б; 18 — жилища первой группы I — 1 — Б; 19 — жилища первой группы I — 1 — Б; 20 — жилища первой группы I — 1 — Б; 21 — жилища первой группы I — 1 — Б; 22 — жилища первой группы I — 1 — Б; 23 — жилища первой группы I — 1 — Б.

Другое раскопанное поселение находится в 1,5 км севернее Лихачевского. Оно занимало возвышенную часть останца коренной террасы, лежащего в пойме близ русла р. Ишим. Слой и сооружения с баитовской керамикой почти полностью разрушены. На вскрытом участке некогда существовало обособленное полуземляночное жилище, впадина которого была использована под котлован поздней постройки¹⁸.

Аналогичные среднетобольские памятники не раскапывались. Здесь находится Баитовское (Чудаки) поселение. На его поверхности, в бульдозерной траншее и силосной яме Т. Г. Гашева в 1963 г. собрала обломки почти сотни сосудов: около 85% принадлежит баитовским, а остальные — воробьевским. Поселение расположено на ровном сплошном участке очень низкого восточного берега оз. Карашта (правобережная старица р. Тобол). Средняя часть занята городищем (II—I—A, рис. 1-3). Его обширная (около 8,6 тыс. кв. м), овальная площадка окружена сильно оплывшим, невысоким (до 0,5 м при ширине 7—12 м) валом и неглубоким (около 0,5 м при ширине до 7 м) ровом. На северо-западе вал и ров разомкнуты. Эту широкую (7—10 м) лакуну можно считать проходом. Городище заполнено впадинами, большинство которых образовалось, вероятно, на месте древних жилищ. Поселение выходило далеко за пределы укрепления. Керамика, аналогичная найденной на городище, встречалась на протяжении почти 100 м к северу, западу и югу.

Баитовская керамика обнаружена на поселениях Среднего Ишима, побережий озер Ишим-Тобольское междуречья, Среднего Тобола (ниже г. Кургана), Исети (ниже устья р. Миасс), среднего и нижнего течения р. Ницы и Туры (рис. 6-Б). Очевидно, почти все это — исконная территория: во-первых, на правобережье Тобола и Ишима есть памятники, в слоях которых преобладает баитовская керамика; во-вторых, по Исети, ниже устья р. Миасс пока не известны памятники с воробьевской керамикой.

Свидетельств абсолютного возраста баитовских поселений мало. Это бронзовый трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой, найденный, по утверждению В. Д. Викторовой, вместе с баитовской керамикой на Юдинском селище, и бронзовый кельт, обнаруженный у западной стенки жилища 3 на Лихачевском (Ерзовка) городище. В. Д. Викторова, используя классификацию К. Ф. Смирнова, датирует наконечник IV—III вв. до н. э.¹⁹ Кельт — с орнаментом из валиков и перегородкой во втулке. Он коротких пропорций и этим очень напоминает ананьинские. Подобные датированы VII—IV вв. до н. э.²⁰ При определении возраста Лихачевского (Ерзовка) городища следует учитывать обломки воробьевского сосуда, найденные в составе этого единого однослойного комплекса и позволяющие синхронизировать его с зауральскими поселениями, более надежно датированными VII—IV вв. до н. э.

Таким образом, можно констатировать, что основная территория поселений с баитовской керамикой фиксируется ныне как простирающаяся широтно между Средним Ишимом и Тоболом и далее к северо-западу — через Среднюю и Нижнюю Исеть на Ницу и Туру. Возможно, это лишь часть более обширного ареала. Эти памятники можно датиро-

вать не позднее IV—III и не ранее VII—VI вв. до н. э. В то время на этой территории существовали городища II—I—A—в с жилищами первой группы I—I—B—а, I—I—A и II—I—A—в.

Сходство между носиловскими, борковскими и баитовскими памятниками очевидно. Оно проявляется, прежде всего, в керамике — сходны формы сосудов, основные орнаментальные схемы, везде в орнаментах много цилиндрических и конических ямок и «жемчужин», композиции равнонасыщены и расположены примерно на тех же местах. Сходны также жилища раннего периода Носиловского II поселения и Лихачевского (Ерзовка) городища (№ 3—8): обособленные, наземные, однокамерные, четырехугольные, с канавками по периметру; можно предполагать наличие таких же и на поселении Карлуга I.

Эти памятники обнаруживают определенную непрерывность и единство в развитии культуры, образуя последовательные этапы и территориальные варианты — части единого ареала.

В тех же географических пределах находятся памятники позднего и финального этапов бронзового века, обнаруживающие те же черты: сходные схемы, много цилиндрических и конических ямок и «жемчужин» в орнаментах на керамике, обособленные, наземные, однокамерные, четырехугольные жилища с канавками по периметру²¹. Именно здесь следует искать непосредственных генетических предшественников культуры раннего железного века.

В 1970 г. В. А. Могильников опубликовал доклад²², посвященный в первой части «ивановско-баитовской общности», — очевидные сходства в культурах позднего бронзового и раннего железного веков были описаны и обобщены с нарушением самых простых правил. Во-первых, неверно решен вопрос об отношении керамики ивановской и среднеиртышской с приустьевых поселений р. Тары и Ишим к баитовской. До 1971 г. его нельзя было решить удовлетворительно прежде всего потому, что собственно ивановская керамика была почти не известна. Не знал ее и В. А. Могильников.

До сих пор известно только, что ивановская керамика обнаруживает черты сходства с сузгунской и некоторую близость с керамикой курганов Среднего Прииртышья, относящейся к позднескифскому и сарматскому времени; что сузгунская и ивановская — это самостоятельные керамические группы; что крупные зашпы по шейке составляют одну из типичных черт керамики Тобольского Прииртышья начала I тыс. до н. э.²³ Даже такие лаконичные констатации свидетельствовали о том — и это нашло подтверждение в исследованиях '60 — начала 70-х годов, — что ивановская керамика, т. е. керамика из ранних слоев и горизонтов одноименного поселения, — явление сложное, отражающее традиции, господствовавшие в разное время: раннюю можно отнести к концу бронзового, позднюю — к началу железного века. Следовательно, прежде чем сопоставлять традиции, необходимо было их разделить и описать. Ныне необходимость такого анализа становится все очевиднее. К сожалению, новые исследования Ивановского поселения, бедные точными фактами и наблюдениями, едва ли помогут в этом.

Трудно полагаться и на приведенное В. А. Могильниковым описание

керамики, собранной во время рекогносцировок на некоторых поселениях в Среднем Прииртышье, в районах устьев р. Тары и Ишим, при датировке ее началом железного века, при сравнении с баитовской, при определении меры сходства. В. А. Могильников располагал, судя по всему, малочисленными наборами случайного и не до конца определенного состава, не поддающимися простейшему количественному описанию. Установить достоверность некоторых сообщенных им фактов невозможно. Так, на рис. 1-11 помещено изображение фрагмента «ивановско-баитовского сосуда», происходящего, судя по подписи и тексту, из «...нижнего горизонта культурного слоя мысовой части Сперановского городища». Из другой части текста следует, что Сперановское городище относится к среднеиртышской культуре²⁴. Последнее подтверждено в специальной публикации²⁵, не содержащей ни одного замечания о стратиграфии, о одновременных комплексах, об «ивановско-баитовской керамике» из нижнего горизонта культурного слоя мысовой части Сперановского городища. Нет ни слова об этом и в отчете.

Во-вторых, при «образовании» «ивановско-баитовской общности» рассматриваются и сопоставляются не комплексы, а искусственно изолированные наборы, а иногда отдельные фрагменты, керамики с немногих разобщенных и разноудаленных памятников, изученных недостаточно и очень неравноценно. Поэтому, если бы В. А. Могильникову удалось доказать не только сходство названных групп керамики, но и однотипность ее, у него не было бы достаточных оснований для констатирования общности. Можно было бы говорить лишь об ареале керамики.

В-третьих, В. А. Могильников очень небрежен в использовании и субординации понятий, терминов и материалов. Он, например, употребляет такие понятия: «керамика ивановского, баитовского и ивановско-баитовского типов»; «памятники ивановского типа, баитовские и ивановско-баитовские»; «ивановско-баитовская культурная общность»; «ивановско-баитовские племена». Все эти понятия и термины представляют разные уровни описания, обобщения и интерпретации материалов, но базируются они на единственном основании — обломках нескольких десятков сосудов с нескольких поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Е. Стоянов. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века.— КСИА, 1969, вып. 119; он же. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век).— ВАН, вып. 12, 1973; он же. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века.— В сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; В. Д. Викторова. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды.— Там же; она же. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников). Автореф. канд. дис. Свердловск, 1969.

² В. Ф. Геннинг, М. К. Позднякова. Прыговское городище на р. Исети.— ВАН, вып. 6, 1964.

³ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 175, табл. 38—46; А. Г. Максимова. Курганы сакского времени

могильника Джовантобе.—КСИИМК, 1960, вып. 80, рис. 12—4; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 311—314, рис. 5—9; стр. 350—352, рис. 43—10; стр. 389.

⁴ М. Н. Комарова. Томский могильник—памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.—МИА, 1952, № 24, стр. 34—36, рис. 21—7; стр. 38, рис. 22—52; стр. 45, 46.

⁵ Т. Н. Троицкая. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской области.—КСИА, 1968, вып. 114; она же. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—VI вв. до н. э.—В сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири; она же. Новосибирское Приобье в VII—VI вв. до н. э.—В сб.: Вопросы археологии Сибири, вып. 38. Новосибирск, 1972.

⁶ В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. — КСИИМК, 1947, вып. XVI.

⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.—МИА, 1960, № 88; табл. XXXIX—7, LXXVIIa—11, стр. 45; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы.—МИА, 1962, № 118, стр. 33, 64, табл. XXIX—18; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана, стр. 238—245, 255—257, табл. IX—2.

⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 389—391.

⁹ Каменогорские. См.: К. В. Сальников. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала.—В сб.: Из истории Урала. Свердловск, 1960; он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала.—ВАУ, вып. 1, 1961. Гамаюнские. См.: Е. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры.—В сб.: Из истории Урала. Сотниковский, лозьвинский, крестовый и вагильский. См.: В. Д. Викторова. Население эпохи железа...; она же. Этапы развития фигурноштампованной орнаментации...

¹⁰ В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Старо-Масляное поселение.—ВАУ, вып. 8, 1969; Р. Д. Голдина. Городище Кучум-Гора.—Там же; В. Е. Стоянов. Узловское поселение.—Там же.

¹¹ Большереченские. См.: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби.—МИА, 1956, № 48; М. Н. Комарова. Томский могильник... Завьяловские. См.: Т. Н. Троицкая. О культурных связях населения Новосибирского Приобья...; она же. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово... Молчановские. См.: М. Ф. Косарев. Десятовское поселение.—КСИА, 1964, вып. 97; он же. О происхождении ирменской культуры.—В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. Л., 1964; он же. О некоторых обских орнаментах.—КСИА, 1964, вып. 101; он же. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья.—СА, 1964, № 3; Г. В. Евдокимова. К вопросу о молчановской культуре.—В сб.: Из истории Сибири, вып. 7. Томск, 1973.

¹² Имеются в виду Палкинское (левобережное) селище и Палкинское (правобережное) «укрепленное жилище» в верховьях р. Исети; Шайдурихинское «укрепленное жилище» на правом берегу р. Аяты (Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963; она же. Памятники и керамика гамаюнской культуры); Туманское «укрепленное жилище» в верховьях р. Тавды (В. И. Липский. К вопросу о так называемых «укрепленных жилищах» в лесном Зауралье.—«Тезисы доклада на секции Пленума ИА АН СССР в 1968 г.» Архив ИА, ф. Р-3, д. 1663, л. 15—16); селище с небольшими наземными жилищами на северном берегу Большого Андреевского озера (раскоп V 1968 г.); селище из нескольких полужемляных жилищ (шурф 204 1967 г.) и городище IV на южном берегу Малого Андреевского озера (М. В. Романова. Памятники раннего железного века на Большом и Малом Андреевских озерах. Рукопись доклада; она же. Отчеты 1968—1972 гг.).

¹³ Имеются в виду поселение пункта БЕ I и могильники в пунктах БЕ VIII, XII, XIV и т. п. См.: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби.

¹⁴ Имеются в виду прежде всего памятники конца бронзового века, характеризующиеся керамикой с «флажково-жемчужной» орнаментацией, по К. В. Сальникову; красноярского и еланского типов, по В. Д. Викторовой; керамика первой группы из раскопа I Узловского (Коврижка) поселения; первой, второй групп из поселения эпохи бронзы на Кучум-Горе и аналогичные, а также остатки обособленного наземного почта

квадратного жилища, ограниченного по периметру канавкой, из раскопа 5 на участке VI южного берега Малого Андреевского озера (В. Т. Юровская. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени.— ВАН, вып. 12, 1973, стр. 12—13).

¹⁵ Г. Б. Зданович, С. Ф. Набоков. Отчет 1969 г.

¹⁶ В. Д. Викторова. Население эпохи железа... В. Е. Стоянов. Узловское поселение; описана как группа III из раскопа II.

¹⁷ В. Ф. Генинг. Отчеты 1964 и 1966 гг.; Г. Б. Зданович. Лихачевское городище на р. Ишим.— V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар, 1967.

¹⁸ Это более позднее жилище первой группы II—I—В с речкинской керамикой. В. Е. Стоянов. Узловское поселение, стр. 74.

¹⁹ В. Д. Викторова. Население эпохи железа..., стр. 9. Здесь опечатка: «бытовой» следует читать как «баитовской».

²⁰ В. Н. Чернецов. Опыт типологии...; К. В. Сальников. Кельты Зауралья и Южного Урала.— МИА, 1966, № 130.

²¹ См. прим. 14. Автор не касается здесь более поздних аналогий.

²² В. А. Могильников. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— В сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.

²³ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 1953, № 35, стр. 63, 50; В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 1957, № 58, стр. 120, 122.

²⁴ В. А. Могильников. К вопросу об этнокультурных ареалах..., стр. 176, 182.

²⁵ Он же. Сперановское городище.— КСИА, 1971, вып. 128.